

Глава 1. Гнев подобен грому

В первый же день после возвращения в столицу для отчета о проделанной работе у Цинь Няньчжи возникли неприятности.

Молодой император, сидевший за рабочим столом из древесины пурпурного сандала, тяжелым взглядом буравил стоящего перед ним молодого чиновника, а затем небрежно швырнул к его ногам стопку доносов.

— Видимо, это моя вина. Я совсем забыл, что ты в том возрасте, когда кровь кипит, а рядом нет никого, кто мог бы согреть твою постель. Немудрено, что тебя потянуло в злые места. И кто же эта красавица, эта знаменитая куртизанка, что так вскружила тебе голову? Настолько, что ты забыл о государственных делах, пропадаешь в публичных домах и готов растратить всё состояние, лишь бы выкупить её из рабства.

Цинь Няньчжи в изумлении поднял голову и встретился взглядом с Чжао Цзюньсюанем. В глазах молодого императора читалась такая мрачная, сложная буря, что казалось, он с трудом сдерживает клокочущую ярость. Чиновник поспешно опустил голову:

— Виноват, Ваше Величество. Прошу, накажите меня.

Стоявший рядом главный евнух Цзян Дэфу, который прислуживал Чжао Цзюньсюаню с самого детства, запричитал:

— Ох, господин Цинь, как же вы неосторожны! Вы — человек столь благородный и возвышенный, доверенное лицо самого императора, как вы могли посещать подобные грязные места? Потрудитесь же объяснить всё Его Величеству!

Цинь Няньчжи проигнорировал знаки, которые подавал евнух, и, словно воды в рот набрал, продолжал стоять на коленях с прямой спиной.

Чжао Цзюньсюань, конечно, знал причину. Но одна мысль о том, что этот утонченный, безупречный дворянин — тот, чьим добрым именем он дорожил больше собственного, тот, ради кого он подавлял в себе недозволенные чувства и заставлял себя держаться на расстоянии, — связался с низкопробной девкой из борделя, приводила его в бешенство. А когда он вспомнил о пошлых сплетнях, что уже расползаются по улицам столицы, у него заныло сердце. Ему хотелось немедленно вытащить эту женщину наружу и разорвать на куски.

Император усмехнулся:

— Думаешь, я не знаю, что ты пытаешься её выгородить? Считаешь, Ведомство инспекции бездельничает? У меня на столе давно лежит донесение о личности этой девицы. Ли Сяньхэ, дочь опального Великого наставника Ли, которая должна была отправиться в ссылку на север,

внезапно объявляется в Цзяннани и смеет соблазнять высокопоставленного чиновника! Она заслуживает смерти!

Поняв, в чем истинная причина гнева императора, Цинь Няньчжи почувствовал облегчение и поспешил объясниться:

— В те годы семья Ли погибла, она осталась одна и была вынуждена скитаться по борделям, претерпевая невыносимые страдания. Мы были знакомы с детства, я не мог остаться в стороне и поэтому привез её с собой. Она не соблазняла меня.

Цзян Дэфу, видя, как помрачнело лицо государя, поспешно вставил:

— Но ведь дело семьи Ли уже пересмотрено, их родовое поместье разблокировано! Госпожа Ли больше не преступница, с чего бы ей быть бездомной? Ясно же, что она целилась именно в вас, господин Цинь. Иначе как бы вы так удачно с ней столкнулись? Боюсь, она просто решила сесть вам на шею.

Цинь Няньчжи недовольно нахмурился:

— Евнух Цзян, подбирайте слова. Госпожа Ли не такой человек.

Чжао Цзюньсюань задумчиво потирал нефритовое кольцо на пальце:

— И как же ты собираешься её устроить? Ли Сяньхэ предпочла бордель смерти, лишь бы сохранить жизнь, а теперь, когда имя её семьи очищено, она, конечно, не посмеет вернуть себе титул, чтобы не марать добрую память о предках. Спорим, она плакала перед тобой, заливаясь слезами, рассказывала о своем одиночестве и умоляла — ради памяти старого Великого наставника Ли — дать ей хоть какой-то кров, обещая служить тебе верой и правдой?

Заметив, как вздрогнул Цинь Няньчжи, император насмешливо фыркнул — он угадал.

— Ты всегда отличался добротой и верностью долгу. Раз семья Ли тебе не чужая, ты не смог остаться в стороне. Так говори же, как ты планируешь устроить эту «великую куртизанку»?

На слове «куртизанка» он сделал особый акцент, явно выражая отвращение.

Цинь Няньчжи помедлил и ответил:

— Я не собираюсь делать её служанкой. Я намерен взять её в жены.

В комнате воцарилась мертвая тишина. У Цзян Дэфу из рук выпала метелка. Неужели он

ослышался? Блестящий Таньхуа, прославленный Великий ученый секретариата, человек, которому симпатизирует сама принцесса Цзяминь, собирается жениться на блуднице? Это было за гранью здравого смысла.

Атмосфера становилась все тяжелее, и гнев Чжао Цзюньсюаня прорвался подобно плотине:

— Цинь Няньчжи, ты сошел с ума? Ты хочешь взять в жены продажную девку!

Цзян Дэфу попытался вмешаться:

— Господин Цинь, должно быть, вы утомились с дороги и бредите? Что за вздор вы несете?

Цинь Няньчжи, казалось, не замечал ярости императора и повторил:

— У нас с госпожой Ли была помолвка. В свое время из-за разногласий в политических взглядах наши семьи разошлись, но теперь она пришла ко мне с памятным знаком.

Чжао Цзюньсюань взревел:

— Замолчи! Я запрещаю!

Остальные евнухи в страхе повалились на колени, дрожа всем телом. Цинь Няньчжи в изумлении поднял голову, его ясные глаза выражали полное непонимание:

— Ваше Величество, это моё личное дело, оно никак не связано с...

— Еще одно слово, и я прикажу забить Ли Сяньхэ палками до смерти!

Цинь Няньчжи тоже вспылал:

— Ваше Величество, что вы творите? Если я в чем-то провинился, накажите меня, но зачем впутывать других?

Его бледное лицо вспыхнуло от гнева, а в обычно улыбающихся глазах застыл вызов. Он смотрел на императора, словно роза, покрытая инеем.

Один этот взгляд лишил Чжао Цзюньсюаня дара речи. Ярость мгновенно улетучилась, сменившись странной болью в сердце. Однако Цинь Няньчжи быстро отвел взгляд, и очарование момента рассеялось, как мираж.

Император замолчал, пытаясь оправдать его в своих мыслях: «Няньчжи всегда был человеком слова. Иначе разве остался бы он со мной, опальным принцем, когда даже перед лицом угрозы со стороны бывшего наследника престола не покинул меня?»

Он мягко, но настойчиво произнес:

— Няньчжи, это совсем другое. Это были лишь детские слова наших родителей, как можно принимать их всерьез? Ли Сяньхэ недостойна тебя, к тому же она давно потеряла свою чистоту.

Цинь Няньчжи упрямо вскинул подбородок:

— Мне всё равно.

Цзянь Дэфу поспешил поддержать императора:

— Господин Цинь, когда семья Цинь была в беде, семья Ли поспешила откреститься от вас. А теперь, когда беда настигла её, она вдруг вспомнила о помолвке? К тому же, кто не знает, что в те годы она была без памяти влюблена в молодого генерала Мэна и вовсе не заботилась о вашем достоинстве!

Цинь Няньчжи опустил голову:

— Это всё дела минувших дней. Сейчас она лишь ищет пристанище.

Чжао Цзюньсюань стиснул зубы, чувствуя горечь:

— Ты столь верен и предан госпоже Ли, что даже удивительно. Неужели именно поэтому все эти годы у тебя в доме не было ни одной наложницы? Оказывается, ты берег себя для неё.

Цинь Няньчжи счел эти слова странными. «Сердце государя — что морская пучина», — подумал он, но ответил почтительно:

— Благородный человек держит слово. Раз предки заключили этот союз, я обязан его соблюдать.

Видя, что Цинь Няньчжи упрям, как осел, Чжао Цзюньсюань в ярости швырнул чашку и не пожелал продолжать разговор.

— Нет! Я запрещаю тебе жениться на ней! Довольно, ты устал с дороги. Оставайся сегодня в боковой опочивальне. Твой отчет я изучил, завтра придешь с докладом.

Цинь Няньчжи считал поведение императора непредсказуемым. Он только вернулся в столицу, его срочно вызвали во дворец, а теперь вдруг отпускают? Но видя мрачное лицо государя, он решил не спорить, поклонился и вышел.

Когда Цинь Няньчжи удалился, Цзян Дэфу подал императору новый чай:

— Господин Цинь во всем хорош, но в делах сердечных совсем несведущ. Если бы не ваша забота, Ваше Величество, он бы точно попался в сети этой девицы.

Чжао Цзюньсюань сделал глоток, чувствуя, как внутри всё клокочет. В голове стоял образ Цинь Няньчжи: тонкий, прямой, с холодным, отстраненным лицом и наивным взглядом. А ведь в глубине души он такой упрямый... Каким бы он был, если бы познал страсть?

Мысль о том, что он тосковал по нему каждый день, а тот привез из поездки блудницу и хочет на ней жениться, была невыносима.

— Цзян Дэфу, — окликнул он, — Няньчжи спит чутко. Вели приготовить в боковой опочивальне успокаивающие благовония, пусть он выспится.

— Слушаюсь! — Цзян Дэфу низко поклонился, скрывая удивление. Император всегда так берег репутацию господина Цинь, сегодня он, должно быть, был в страшном гневе...

Глава 2. Пощадить тебя

Цинь Няньчжи отослал евнухов, привел себя в порядок и, убедившись, что всё в порядке, опустил полог кровати и лег, не раздеваясь.

Усталость была огромной, но сон не шел. Почему император так против его женитьбы на Сяньхэ? Неужели гарем государя настолько пуст, что он не терпит чужого счастья?

А ведь он сам уже в том возрасте, когда пора жениться. Если не объявить о помолвке сейчас, завтра во дворец может прийти указ о браке с принцессой Цзяминь. Вспомнив письма принцессы, Цинь Няньчжи почувствовал, как раскалывается голова.

Ведь он — женщина. Если его тайна раскроется, это грозит смертью всему роду. Сможет ли император, вспомнив годы, проведенные вместе, пощадить его?

Цинь Няньчжи вздохнул. Переодевание в мужчину было не его прихотью, а стечением обстоятельств. Он надеялся, что скоро сможет уйти в отставку и начать жизнь путешественника, но характер императора стал таким непредсказуемым...

В воздухе витал тонкий аромат сливы, и Цинь Няньчжи, сам не заметив, провалился в сон.

Чжао Цзюньсюань, отослав слуг, стоял под карнизом. Луна клонилась к закату, её призрачный свет падал на его лицо, полное мрачных мыслей. Наконец, он бесшумно толкнул дверь и вошел в опочивальню.

Он подошел к кровати, отодвинул полог и сел рядом, жадно разглядывая спящего. Он всегда знал, что Цинь Няньчжи невероятно красив. Под лунным светом его кожа казалась фарфоровой, ресницы подрагивали, а губы были влажными и алыми.

Император не удержался и коснулся его щеки. Внутри него боролись боль и отчаяние. Он — правитель Поднебесной, но не может распоряжаться собственной судьбой. Десять лет они были товарищами, братьями, друзьями... и кем-то еще.

Он знал: этот человек — дар небес, он должен блистать при дворе, а не быть запертым здесь, неся на себе клеймо «фаворита». Он обещал себе не переступить черту, оставаться мудрым правителем, но услышав о борделе, чуть не сошел с ума от ревности.

Он начал осторожно гладить Цинь Няньчжи по руке, переплетая свои пальцы с его. Другой рукой он потянулся к поясу чиновника.

Цинь Няньчжи спал крепко. Чжао Цзюньсюань, глядя на его губы, наклонился, чтобы коснуться их...

— Пятый брат!

Тихий шепот заставил императора замереть. С момента восшествия на престол Цинь Няньчжи строго соблюдал этикет и никогда больше не называл его так.

Чжао Цзюньсюань выпрямился, в его глазах боролись страсть и остатки разума. Он погладил Цинь Няньчжи по лбу. Тот ворочался во сне:

— Пятый брат! Не бойся, я всегда буду с тобой. Цзюньсюань, не ходи туда, опасно!

Чжао Цзюньсюань замер, затем успокаивающе погладил его по спине, зная, что тот не слышит:

— Спи, я здесь. Я никуда не уйду.

Цинь Няньчжи успокоился. Эти слова вернули императору крупинцы рассудка. Долгое время он сидел неподвижно, его нижнее белье промокло от пота.

— Пусть будет так, — прошептал он, — ради этого «Пятого брата».

Он укрыл его одеялом, вышел из комнаты и приказал:

— Потушите благовония. И позаботьтесь о нем как следует.

Цинь Няньчжи, не подозревая, что был на волосок от гибели, продолжал спать. Ему снились кошмары: умершая мать, пытающаяся его задушить, и император, превратившийся в дикого зверя.

Он проснулся в холодном поту, тяжело дыша.

— Господин, вы проснулись? — слышался голос евнуха из-за полога. — Император ждет вас к завтраку.

Цинь Няньчжи вздохнул. Жизнь на пороховой бочке стала невыносимой.

У зала заседаний Цзян Дэфу увидел, что Цинь Няньчжи мнетя у двери:

— Господин Цинь, почему не входите?

Внутри слышался хриплый голос Чжао Цзюньсюаня:

— Еще не вошел? Ждешь, пока я сам приглашу?

Цинь Няньчжи вошел и опустился на колени:

— Приветствую Ваше Величество.

Чжао Цзюньсюань усмехнулся, подошел и рывком поднял его:

— Вставай. Притворство у тебя выходит неплохо, хотя, небось, про себя меня проклинаешь.

Цинь Няньчжи смущенно поднял глаза:

— Не смею. Ваше Величество сегодня в духе? Больше не сердитесь?

Император внимательно посмотрел на него. Синяки под глазами прошли, но лицо всё еще было бледным.

— Если бы я сердился на тебя каждый день, давно бы отправился к предкам. Садись есть.

За столом из сандалового дерева, у окна, уже были расставлены блюда. Чжао Цзюньсюань фамильярно потянул Цинь Няньчжи за руку:

— Что застыл? Давно не обедал во дворце, отвык? Это всё твои любимые блюда, попробуй.

Цинь Няньчжи осторожно отдернул руку:

— Благодарю, Ваше Величество.

Император проигнорировал его холодность, взял палочки и положил ему кусочек пирожного:

— Раньше, когда мы были вместе, ты всегда носил с собой сладости. Я думал, ты просто лакомка, а потом понял — ты приносил их для меня. Сейчас повара готовят что угодно, но всё не то. Я всегда думал: мой Няньчжи так хорош, надо беречь его, чтобы никто не обманул. Ты тогда говорил, что твоя жизнь зависит от меня. Теперь я император, почему же я не вижу, чтобы ты на меня опирался?

Цинь Няньчжи замер. Он вспомнил прошлое: когда десятилетний принц лишился всего, он, Цинь Няньчжи, каждый день приносил ему еду.

Они переглянулись и улыбнулись.

— Ваше Величество, к чему это вдруг?

Чжао Цзюньсюань притворно вздохнул:

— После моего восшествия на престол ты больше не называешь меня по имени, не зовешь «Пятым братом». Похоже, ты забыл наше прошлое и решил отдалиться.

Цинь Няньчжи поспешил оправдаться:

— Нет, это не так, просто...

<http://bllate.org/book/18871/1842366>